

ДИАНА ГЭБЛДОН

Чужестранка

Книга 1
Восхождение к любви

18+

История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Чужестранка. Книга 1.
Восхождение к любви**

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Чужестранка. Книга 1. Восхождение к любви / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 1991 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-78547-6

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Это история женщины, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам. 1945 год. Клэр Рэндолл, четыре года прослужившая медсестрой на фронте, возвращается к мирной жизни и воссоединяется со своим мужем Фрэнком. Они уезжают в Шотландию, чтобы отпраздновать свой второй медовый месяц и отыскать сведения о предках Фрэнка. Но одно мимолетное прикосновение к камню из древнего святилища – и Клэр необъяснимым образом переносится из XX века в 1743 год, в то время, когда Шотландию раздирала кровавая междоусобная война.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-78547-6

© Гэблдон Д., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Диана Гэблдон
Чужестранка
Книга 1
Восхождение к любви

Памяти моей матери Жаклин Сайкс Гэблдон, которая научила меня читать

Люди исчезают постоянно. Спросите об этом у любого полицейского. Или, лучше, у журналиста. Для журналистов исчезновения – их хлеб. Молодые девушки убегают из дома. Дети уезжают от родителей и не возвращаются. Экономки поддаются искушению и, прихватив хозяйские деньги, прыгают в такси до вокзала. Биржевые игроки меняют имена и скрываются в клубах сигаретного дыма. Многие из пропавших находятся. Так или иначе. Живыми или мертвыми. Исчезновения в конце концов получают объяснение. Как правило.

© Черташ А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая *Инвернесс, 1945 год*

Глава 1 Новое начало

Это было не особенно подходящее место для исчезновения, по крайней мере на первый взгляд. Апартаменты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других пансионов в горной Шотландии 1945 года, опрятных и тихих: обои в цветочек, полы, натертые до блеска, в ванной надо опустить монетку, чтобы пошла горячая вода. Сама миссис Бэйрд оказалась маленькой и очень подвижной пышкой; ее нисколько не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает книги и газеты – без которых не мыслит своей жизни – по ее крошечной гостиной с обоями в мелкую розу.

Я встретила миссис Бэйрд в передней перед выходом. Она ухватила меня за рукав и потянулась к моим волосам.

– Миссис Рэндолл, это возмутительно – показываться на люди с такой головой! Подождите, я немного приведу вас в порядок. Ну вот, уже лучше. Моя кухня рассказывала, что сделала перманентную завивку по новой технологии, выглядит великолепно и держится как надо. Может, и вам стоит попробовать...

У меня не хватило духу признаться, что мои непокорные каштановые кудри – каприз природы, а не результат небрежности парикмахеров. Волосы миссис Бэйрд, уложенные аккуратными волнами, свидетельствовали о том, что к ее прическе отнеслись со всей серьезностью.

– Я непременно так и сделаю, миссис Бэйрд, – соврала я. – Я иду в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Высочив за дверь, я быстро зашагала по дорожке, пока хозяйка не нашла в моем внешнем виде еще какие-нибудь недочеты. Четыре года прослужив медсестрой в Королевской армии, я радовалась отсутствию формы и с удовольствием носила светлые хлопчатобумажные платья, совершенно неподходящие для прогулок по вересковым пустошам. Не то чтобы прогулки подобного толка были мне очень интересны; мечты мои устремлялись совсем к другому: утром спать подольше, а вечера проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако этот романтический план раз за разом проваливался из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд пылесосила прямо у нас под дверью.

– Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, – к такому выводу пришел Фрэнк этим утром, когда в прихожей спозаранку взревел пылесос.

– Почти такой же грязный, как воображение нашей хозяйки, – согласилась я. – Может, нам стоило поехать в Брайтон.

Нам выпал шанс отдохнуть перед тем, как Фрэнк вступит в должность профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше других областей Британии коснулись ужасы войны, а лихорадочная веселость послевоенного времени охватила ее не в той степени, как многие другие курортные места. Кроме того – хоть мы и не произносили этого вслух, – для нашего брака горы Шотландии имели некое символическое значение; мы поженились семь лет назад и именно в Шотландии успели провести два дня медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, – так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбалка – наиболее популярные виды спорта на открытом воздухе, то в закрытых пространствах здесь предпочитают сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии дождливо, люди проводят в последних больше времени.

– Ты куда собираешься? – спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

– Страшно не хочется разочаровывать старушку, – ответил он и, усевшись поудобнее на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно заскрипела. Пылесос в прихожей резко умолк. Поскрипев минуту или две, Фрэнк театрально застонал и с размаху откинулся назад, так что пружины зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть притаившуюся за дверью слушательницу. Фрэнк нахмурил брови.

– Ты должна биться в экстазе, а не хихикать, – прошипел он. – Иначе она решит, что любовник из меня никудышный.

– Тебе следовало бы уделить этому больше времени, чтобы услышать экстатические стоны. За две минуты ничего, кроме хихиканья, не получишь.

– Бессердечная ты развратница! Прошу не забывать, что я приехал отдыхать.

– Ты лентяй! Если не будешь работать, на твоём генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Страсть Фрэнка к генеалогии стала еще одной причиной, по которой мы выбрали Шотландию. Если верить одному потрепанному клочку бумаги – Фрэнк везде носил его с собой, – то один из его занудных предков чем-то занимался в этих местах то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

– Если я превращусь в засохший сучок на моем фамильном древе, то повинна в этом будет наша неутомимая хозяйка. Ведь мы женаты почти восемь лет. Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях и без свидетелей.

– Если он вообще будет зачат, – мрачно добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда.

– Воздух здесь бодрящий, а питание регулярное. Чем еще можно помочь делу?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на ланч – соленую, а сегодня на завтрак, судя по запаху из кухни, должны были подать копченую.

– Если не хочешь дать миссис Бэйрд еще один повод для нотации, – сказала я, – то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, местный викарий, обещал дать Фрэнку изучить невероятно увлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать в архивах какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

– А как звали твоего прапрапрадедушку, который ошивался в этих краях во время одного из восстаний? – спросила я. – Не могу вспомнить: Уилли или Уолтер...

– Вообще-то его звали Джонатан.

Фрэнк в целом спокойно относился к тому, что я не проявляю интереса к истории его семьи, но постоянно был наготове, чтобы воспользоваться малейшим любопытством с моей стороны для сообщения фактов о генеалогическом древе Рэндоллов. Он застегивал рубашку, а в глазах уже зажегся фанатичный блеск увлеченного преподавателя истории.

– Джонатан Уолвертон Рэндолл – Уолвертоном его назвали в честь дяди по матери, рыцаря из Суссекса. Но он был известен под лихим прозвищем Черный Джек, которое он получил в армии, думаю, как раз во время службы в этих местах. Я упала ничком на постель и изобразила храп. Фрэнк, не обращая на меня внимания, продолжил свою лекцию:

– Он купил патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и стал драгунским капитаном. Судя по тем старым письмам, которые отправила мне кузина Мэй, он нес службу отлично. Недурной вариант для второго сына. Младший из троих братьев, согласно традиции, стал викарием, но о нем мне пока не удалось много узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингема за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобитского

восстания. – И добавил снисходительно, чтобы убедиться, что невежественная аудитория в лице меня владеет контекстом: – Ну ты же знаешь, Красавчик принц Чарли и вот это все¹.

– Не уверена, что шотландцы до конца осознали, что они проиграли в тот раз, – заметила я, усаживаясь на постели и пытаясь привести в порядок волосы. – Вчера в пабе слышала, что бармен называл нас «сассенах».

– А почему нет? – благодушно отозвался Фрэнк. – Это всего-навсего означает «англичанин» или, в крайнем случае, «чужак», а мы и есть чужаки.

– Я знаю, что это означает. Мне не понравился его тон.

Фрэнк порылся в ящике стола в поисках своего ремня.

– Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. Потому как, видишь ли, в бочку с настоящим шотландским элем полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через хорошо поношенную единицу нижнего белья.

– А-а, так вот что повлияло на сумму счета!

– Я выразился даже более деликатно потому, что в гэльском языке² нет слова для штанов или трусов.

Я потянулась за собственными трусиками, заинтригованная.

– А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился на меня.

– А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своим килтом?

– Надеюсь, что не панталоны до колен, как настоящие джентльмены, – сухо заметила я. – Может, мне, пока ты развлекаешься с викарием, поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

– Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декан колледжа Святого Гилберта вряд ли это оценит.

Я не встретила ни одного шотландца в килте, который слонялся бы по городской площади или посещал местные магазины. Но там были другие люди, в основном домоправительницы вроде миссис Бэйрд, совершающие покупки. Они громко болтали и обменивались сплетнями; их дородные фигуры, облаченные в платья из набивного ситца, делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой на контрасте с холодной моросью снаружи.

Поскольку собственного дома у меня не было, то покупать мне было почти нечего, но разглядывание товаров, вновь в изобилии появившихся на полках, доставляло удовольствие. Мы так долго жили по карточкам, обходясь даже без таких необходимых вещей, как мыло и яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколona «Голубой час» и говорить нечего.

Я задержалась у витрины магазина товаров для дома: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и бокалы, комплект форм для выпечки и набор из трех ваз.

Ваз у меня никогда не было. Во время войны я жила в общежитии для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее – в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому собственного жилья у нас не появилось. Купи я себе вазочку, дядя Лэмб наполнил бы ее своими древними черепками еще до того, как я оказалась бы рядом с букетом маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью – для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан – в ученых кругах, которые были для него всем. Но для меня всегда только дядя Лэмб. Единственный брат моего отца и мой единственный живой родственник, я свалилась на его голову пятилетней девочкой, когда мои родители погибли в автокатастрофе. В то время он как раз

¹ Красавчик принц Чарли – одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720–1788), или Младшего претендента, возглавившего яacobитское восстание (1745–1746). Яcobиты – сторонники короля Якова II (правил в 1685–1688) и его наследников. (Здесь и далее прим. пер.)

² Гэльский (гаэльский, шотландский, эрский) язык – один из кельтских языков; распространен в Северо-Западной Шотландии. По происхождению – диалект ирландского языка.

планировал путешествие на Средний Восток, все отложил, чтобы устроить похороны, продать имущество родителей, а меня поместить в хорошую школу-интернат для девочек. «Помещаться» в эту школу я отказалась наотрез. Дядя Лэмб ненавидел личные конфликты любого рода; столкнувшись с необходимостью отдирать мои пухлые пальчики от двери автомобиля и насильно волочить меня по ступенькам в школу, он устало вздохнул, пожал плечами и выбросил из окна машины свои благие намерения вместе с моей новой соломенной шляпкой.

– Жуть какая, – пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида на то, как шляпка весело катится по дороге, пока мы набираем скорость, удаляясь в противоположном направлении. – Всегда ненавидел дамские шляпки. Любые. – Он сурово посмотрел на меня и добавил: – Запомни одно: ты не будешь играть моими персидскими резными статуэтками. Все, что угодно, только не это. Поняла?

Я удовлетворенно кивнула. И поехала с ним на Средний Восток, потом в Южную Америку, а потом еще в самые разные уголки мира. Я научилась читать и писать по заголовкам в журналах, научилась копать уборные, кипятить воду и делать еще множество вещей, совершенно не подходящих для девицы хорошего происхождения, и занималась всем этим, пока не встретила красивого темноволосого историка, который приехал к дяде проконсультироваться по поводу возможных связей между французской философией и египетскими религиозными обрядами.

Но и после нашей свадьбы с Фрэнком мы вели кочевой образ жизни, типичный для молодых ученых, которым приходится жить либо в гостиницах во время научных конференций, либо в съемных квартирах. Потом началась война, Фрэнк попал в офицерскую школу, а оттуда в разведгруппу МИ-6, а я поступила в школу медсестер. И хотя мы женаты почти восемь лет, нашим первым собственным домом будет новый дом в Оксфорде.

Крепко зажав сумку под мышкой, я вошла в магазин и купила вазы. Я встретила Фрэнка на Хай-стрит, у поворота на Джирисайд-роуд, по которой мы пошли вместе. Увидев мои покупки, он приподнял брови.

– Вазы? – улыбнулся он. – Замечательно. Наконец-то перестанешь засовывать цветы в мои книги.

– Это ведь не одно и то же, в книгах у меня образцы, нечто вроде гербария. Ты же сам предлагал, чтобы я занялась ботаникой. Раз уж я больше не медсестра, нужно найти себе какое-то увлечение.

– Верно. – Фрэнк одобрительно кивнул. – Но я не предполагал, что каждый раз, как открою справочник, мне на колени будет сыпаться сушеная зелень. Что это за сорняки ты положила в Таскама и Бэнкса?

– Горец перечный. Помогает при геморрое.

– Готовишься к моей близкой старости? Как это предусмотрительно с твоей стороны, Клэр!

Смеясь, мы вошли через калитку во двор, и Фрэнк остановился, чтобы пропустить меня вперед по узкой лесенке к входу.

Внезапно он схватил меня за руку.

– Постой! Не наступи.

Я остановилась, занеся ногу над большим коричнево-красным пятном на ступеньке.

– Странно, – сказала я. – Миссис Бэйрд скоблит и моет эти ступеньки каждое утро, я видела. Как думаешь, что это?

Фрэнк наклонился пониже и опасливо принюхался.

– В общем-то, кажется, это кровь.

– Кровь! – Я отступила на шаг. – Чья? – И с беспокойством заглянула в дом. – Думаешь, с миссис Бэйрд могло что-то произойти?

Я не могла себе представить, чтобы наша чистюля-хозяйка добровольно оставила кровавые пятна сохнуть на ступеньках возле двери. Исключение – произошло нечто чрезвычайное. На секунду представила, что в гостиную ворвался маньяк-убийца с топором в руках, готовый на нас наброситься.

Фрэнк покачал головой. Приподнявшись на цыпочки, заглянул через забор в соседний дворик.

– Вряд ли. У Коллинзов на пороге точно такое же пятно.

– Правда?

Я подошла к Фрэнку – во-первых, мне и самой хотелось посмотреть через забор, а во-вторых, я нуждалась в моральной поддержке.

Трудно представить себе Шотландию в качестве сцены для серийных убийств, но преступники такого рода вряд ли руководствуются логикой при выборе места.

– Это все как-то... неприятно, – заметила я. На соседнем участке тоже не было никаких признаков жизни. – Как ты думаешь, что случилось?

Фрэнк сдвинул брови и задумался. Вдруг его осенило, и он с досадой хлопнул себя по ноге.

– Кажется, я понял! Подожди секунду.

Он бросился к калитке и выбежал на дорогу, оставив меня в полном недоумении стоять возле крыльца. Вернулся он очень скоро, просветленно сияя.

– Да, пожалуй, я прав, так и есть. Такие же пятна возле каждого дома на нашей улице.

– Ну и что это значит? Визит маньяка?

Я говорила резковато: разнервничалась, оставшись наедине с огромным кровавым пятном.

Фрэнк засмеялся:

– Нет, это ритуальная жертва.

Он опустился на четвереньки и уставился на пятно с большим интересом. Его объяснение звучало не намного утешительнее, чем маньяк-убийца. Я присела на корточки рядом с Фрэнком и понюхала пятно. Для мух было еще рано, но возле высыхающей лужи сидели два больших шотландских комара.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я. – Миссис Бэйрд добропорядочная христианка и исправно ходит на службу, ее соседи тоже. Здесь все-таки не жертвенный холм друидов.

Фрэнк поднялся и отряхнул брюки.

– Все-то ты знаешь, милая моя. А между тем, нет другого такого места на земле, где магия и колдовство так прочно входили бы в повседневную жизнь, как здесь, в горной Шотландии. Церковь церковью, но миссис Бэйрд все равно верит в Старый Народец, и ее соседи тоже.

Кончиком начищенного ботинка он показал на пятно.

– Это кровь черного петуха, – объяснил он. – Дома совершенно новые. Сборные, фабричного производства.

Я посмотрела на него довольно холодно.

– Если ты считаешь, что все объяснил, то ты заблуждаешься. Какая разница, старые это дома или новые? И куда все люди пропали?

– Думаю, они в пабе. Пойдем посмотрим?

Фрэнк взял меня за руку и повел к калитке, а потом вниз по Джирисайд-роуд.

– В старые времена, – начал он по дороге, – при закладке дома убивали какое-нибудь живое существо и закапывали под фундаментом как ритуальную жертву местным духам. Обычай древний, как эти холмы. «И зароет он первенца своего в основании дома, а младшего сына под воротами».

Я вздрогнула от этой цитаты.

– Слава богу, что в наше время они ушли от варварства и приносят в жертву всего лишь петухов. Хочешь сказать, что, поскольку дома новые и при постройке никто ничего под ними не закапывал, их владельцы теперь исправили ошибку?

– Именно так. – Фрэнк, явно довольный моей сообразительностью, похлопал меня по спине. – По словам викария, многие местные верят, что война была послана в наказание за то, что люди отказались от старинных обычаев, забыли о корнях, например, перестали закапывать жертвы под фундаментом и сжигать рыбы кости в камине, за исключением костей пикши.

Он так и сиял, углубившись в интересную тему.

– Кости пикши сжигать никак нельзя. В противном случае ты больше никогда ни одной не поймашь. Кости пикши надо закапывать в землю.

– Я запомню, – пообещала я. – Скажи мне, что сделать, чтобы больше не видеть сельдь, и я тут же последую инструкции.

Фрэнк рассеянно покачал головой, погружившись в одну из своих ученых медитаций, в ходе которых он собирал с мысленных полок все сведения на нужную тему, полученные из самых разнообразных источников, – в такие минуты он совершенно терял связь с реальностью.

– Насчет селедки не знаю, – ответил он с отсутствующим выражением лица. – Но от мышей надо повесить пучки травки под названием «дрожащий джок» и произнести заклинание: «Дрожащий джок повесим тут, и мыши в доме пропадут». Кажется, так. А что касается зарытых под фундаментом жертв, то из этой традиции вышли все легенды о призраках. Помнишь большой дом в конце Хай-стрит? Он называется «Маунтджералд». Так вот, в нем обитает призрак одного из рабочих, которые строили этот дом. Рабочего, как гласит предание, зарыли под домом в качестве ритуальной жертвы. Это случилось в восемнадцатом веке, не так уж давно.

Фрэнк немного помолчал, потом продолжил:

– Говорят, что по приказу владельца одну из стен возвели первой, а потом сбросили каменный блок на голову рабочему – скорее всего, тому парню, который всем докучал и потому был избран жертвой. Его похоронили там же, а потом над ним возвели дом. Он появляется в чулане, под полом которого его зарыли, но только в годовщину своей смерти или в один из четырех Старых Дней.

– Старых Дней?

– Это старинные кельтские праздники, – объяснил Фрэнк, все еще блуждая по лабиринтам памяти. – Хогманай, канун Нового года, Иванов день, потом Белтейн, или Праздник кельтских костров, и День Всех Святых. Друиды, древние пикты, да и вообще все древние народы Британии устраивали празднества огня и солнца. В такие дни призраки получают свободу бродить по окрестностям и творить злые или добрые дела на свое усмотрение.

Он в задумчивости потер подбородок.

– Белтейн как раз подходит, его отмечают незадолго до весеннего равноденствия. Когда в следующий раз будешь проходить мимо кладбища, держи ухо востро.

Глаза у Фрэнка весело заблестели, и я поняла, что он вышел из транса. Я засмеялась:

– И много здесь знаменитых призраков?

Фрэнк пожал плечами.

– Право, не знаю. Давай спросим викария, когда увидим его в следующий раз, согласна?

Викария мы увидели очень скоро. Он, как и большинство его прихожан, сидел в пабе и потягивал лагер в честь нового освящения домов. Он казался смущенным: ведь его застали на том, что он сквозь пальцы смотрит на языческие ритуалы, однако он тут же свел все к наблюдению за местным фольклорным колоритом, вроде ирландской традиции с клевером.

– Это невероятно увлекательно, – доверительно сообщил он, и я тут же, мысленно вздохнув, опознала песенку ученого, столь же узнаваемую, как трели лесного дрозда.

Распознав родственную душу, Фрэнк подсел к нему, и оба тотчас погрузились в разговоры об архетипах и параллелях между древними верованиями и современной религией. Я пожалала плечами, протолкалась сквозь толпу к стойке и вернулась назад с двумя бокалами бренди с водой.

Зная, как трудно отвлечь Фрэнка от подобных дискуссий, я просто сунула рюмку ему в руку и оставила их наедине. На широкой скамейке у окна я нашла миссис Бэйрд, где она пила пинту горького пива в обществе мужчины средних лет, который был мне представлен как мистер Крук.

– Я говорила вам о нем, миссис Рэндолл, – заявила она с горящим от алкоголя и присутствия мистера Крука глазами. – Это тот самый, кто знает все растения. Миссис Рэндолл ужас как интересуется травами, – немедленно поведала она своему приятелю, наклонившему к ней голову отчасти из вежливости, отчасти из-за неважного слуха. – Она их засовывает в книжки и сушит.

– В самом деле? – Мистер Крук изогнул косматую правую бровь, совершенно седую. – У меня есть специальные гербарные сетки для засушивания и всякого такого. Остались от племянника, он в университете учится, приезжает сюда на каникулы. Он привез их для меня, а у меня не хватило духу сказать ему, что я таким не пользуюсь. Травы надо сушить в пучках или на раме, а потом хранить в мешочках из марли или в кувшинах. Зачем расплющивать эти маленькие создания, ей-богу, не могу понять.

– Но быть может, – мягко вмешалась миссис Бэйрд, – миссис Рэндолл хочет составить из сушеных фиалок или мальв красивые картинки, чтобы повесить на стену в рамке?

– Ммхм... – По морщинистому лицу мистера Крука нельзя было определить, как он отнесся к этому сообщению. – Ладно, миссис, ежели эти сетки вам нужны, вы можете их забрать, с радостью отдам. Грешно выбрасывать добро, а мне от них никакого проку.

Я завершила мистера Крука, что с удовольствием приму в дар решетки, но еще больше меня обрадует, если он покажет мне, где здесь можно найти кое-какие редкие растения. Несколько секунд он пристально смотрел на меня, склонив голову набок, словно потрепанная жизнью пустельга, но, внутренне убедившись, что интерес мой не таит в себе никакого подвоха, назначил встречу на утро, чтобы провести мне экскурсию по местным зарослям. Фрэнк, насколько я помнила, собирался в Инвернесс на весь день, чтобы просмотреть какие-то записи в городской ратуше, и я была рада предложению не ехать вместе с ним. Мне все эти записи казались скучными и ничем не отличающимися одна от другой.

Вскоре Фрэнк оторвался от викария, и мы отправились домой в обществе миссис Бэйрд. Я постеснялась обсуждать с ней пятно крови на крыльце; что же до Фрэнка, то он застенчивости не испытывал и начал подробно расспрашивать ее о природе этого обычая.

– Он, наверное, очень древний? – спросил он, похлестывая прутом придорожную траву.

Уже распустились желтые примулы, зацвели первые анемоны, а почки на раkitнике набухли; еще неделя – и появятся сережки.

– О да, – отозвалась миссис Бэйрд, шагая рядом с нами вперевалочку. – Никто и не знает точно, когда он появился. Наверное, это случилось еще до великанов.

– Великанов? – удивилась я.

– Да, великаны Фьонн и Фейн, разве вы не слышали?

– Это герои гэльских сказок, – подхватил Фрэнк. – Вероятно, они имеют скандинавское происхождение. Влияние викингов здесь можно обнаружить повсюду, вдоль всего западного побережья. Даже названия некоторых мест скандинавские, а не гэльские.

Я округлила глаза, опасаясь негативной реакции со стороны миссис Бэйрд, но она только улыбнулась и согласилась с Фрэнком: да, все так и есть, она сама, когда ездила на север, видела камень, который называется Два Брата. Он ведь скандинавский, верно?

– Скандинавы появлялись в этих краях на протяжении сотен лет, начиная примерно с пятисотого года от Рождества Христова и до тысяча трехсотого, – ответил Фрэнк, мечтательно посмотрев на облака у горизонта, словно их очертания напоминали ему драконоподобные ладьи викингов. – Викинги! Они привезли с собой множество преданий и мифов, которые здесь легли в благодатную почву. В этом краю будто видишь начало вещей.

В это я могла поверить. Спускались сумерки, и вместе с ними надвигалась гроза. Какой-то неземной, волшебный свет разливался под облаками, и даже свежестроенные дома вдоль дороги казались такими же древними и мрачными, как источенный ветрами пиктский столб в сотне футов от нас, вот уже тысячу лет маркирующий перекресток. В такой вечер лучше всего сидеть дома и держать ставни закрытыми.

Тем не менее Фрэнк решил зайти на стаканчик шерри к местному адвокату мистеру Бейнбриджу, который интересовался стариной и архивами, вместо того чтобы остаться в уютной гостиной миссис Бэйрд и полюбоваться при помощи стереопроектора на гавань Перта. Освежив в памяти предыдущую встречу с мистером Бейнбриджем, я выбрала Перт.

– Постарайся вернуться до грозы, – попросила я, целуя Фрэнка на прощание. – Передай мистеру Бейнбриджу мои извинения.

– Ммм, да. Да, разумеется.

Старательно избегая встречаться со мной взглядом, Фрэнк набросил пальто и ушел, прихватив зонтик из стойки у порога.

Я закрыла за ним дверь, но не стала опускать защелку, чтобы он мог войти, никого не разбудив. Я вернулась в гостиную, по пути размышляя, что сейчас Фрэнк охотно сделал бы вид, что жены у него нет, а мистер Бейнбридж столь же охотно ему подыграл. И все это совершенно справедливо.

Во время нашего вчерашнего визита к адвокату поначалу все шло хорошо. Я вела себя скромно, деликатно, разумно, очень благопристойно, оделась прилично и неброско – словом, воплощала собой идеал супруги профессора и члена совета колледжа. Это длилось ровно до того момента, как подали чай. Вспомнив об этом, я повернула руку ладонью вверх и посмотрела на продолговатый волдырь под основанием сразу четырех пальцев. Но это же не моя вина, что мистер Бейнбридж, будучи вдовцом, пользовался дешевым жестяным чайником вместо фарфорового. И не моя вина, что он любезно попросил меня разлить чай. И тем более не моя вина, что прихватка оказалась дырявой и раскаленная ручка чайника оказалась прямо на моей коже.

Нет, решила я. Бросить чайник – совершенно естественная реакция. Чайник упал на колени мистеру Бейнбриджу, но это просто досадная случайность: куда-то же я должна была его уронить. Однако кульминация этой сцены случилась, когда я что есть мочи заорала: «Чертов, мать его за ногу, чайник!» – этот вопль слился и даже перекрыл крик мистера Бейнбриджа, а Фрэнк кинул на меня уничтожающий взгляд поверх блюда со сконами.

Придя в себя, мистер Бейнбридж повел себя как истинный джентльмен; он хлопотал над моей обожженной рукой и никак не реагировал на Фрэнка, рассыпавшегося в извинениях за мои ругательства, которых я, с его слов, нахваталась за два года службы в военно-полевом госпитале.

– Боюсь, моя жена узнала там некоторое количество, э-э, крепких выражений от янки и подобной публики, – пояснил Фрэнк, нервно улыбаясь.

– Так и есть, – подтвердила я, сжимая зубы от боли и обматывая руку мокрым полотенцем. – Мужчинам свойственно выражаться крепко, когда из них достают осколки шрапнели.

Мистер Бейнбридж тактично попытался перевести разговор в русло истории: он заявил, что его всегда интересовали бранные выражения и их эволюция. Вот хотя бы фраза «какого черта» первоначально подразумевала «какой именно черт вам нужен» и использовалась для того, чтобы различать обитателей преисподней, у которых была своя жесткая иерархия.

– Да-да, конечно, – подхватил Фрэнк. – Клэр, сахара мне не клади, пожалуйста... Или вот, например, местное «Gadzooks». Что думаете? Первая часть, видимо, относится к богу. А вот вторая...

– Знаете, – отозвался адвокат, – мне приходило в голову, что это может быть искаженное гэльское слово «yeuk». Оно означает щекотку или чесотку. Похоже на правду, так ведь?

Фрэнк кивнул, и легкомысленная для профессора прядь упала ему на лоб. Он машинально отвел ее назад.

– Да, вся эволюция обценной лексики крайне любопытна.

– И она все еще продолжается, – вклинилась я, осторожно подхватив щипчиками кусок сахара.

– В самом деле? – отозвался мистер Бейнбридж. – Вы слышали какие-нибудь особенно интересные варианты за время вашей... мм... службы?

– О да, – ответила я. – Особенно мне понравилось одно, я узнала его именно от янки. Некто по фамилии Уильямсон, родом, кажется, из Нью-Йорка. Он использовал это выражение каждый раз, когда я меняла ему бинты.

– Какое же это выражение?

– Иисус твою Рузвельт Христос! – ответила я и опустила кусок сахара в чашку Фрэнка.

После вполне мирного и даже приятного вечера с миссис Бэйрд я поднялась к себе, чтобы подготовиться к возвращению Фрэнка. Я знала его норму – две порции шерри, так что он должен был вернуться уже скоро.

Ветер крепчал, и даже в спальне воздух был будто наполнен электричеством. Я провела щеткой по волосам – и они защелкали и встопорщились, встав вокруг головы. Но я решила, что сегодня ночью мои волосы себе такого позволить не могут. Я вознамерилась во что бы то ни стало зачесать их назад, но они упорно лезли в лицо.

В кувшине ни капли воды; Фрэнк использовал всю, когда умывался, собираясь к мистеру Бейнбриджу, а я не подумала о том, чтобы снова наполнить его в ванной. Я взяла флакон «Голубого часа», щедро плеснула его на ладонь, а потом обеими руками быстро пригладила волосы. Потом я смочила щетку и зачесала ею волосы за уши. Прекрасно. Так куда лучше, решила я, крутя головой перед покрытым пятнами зеркалом. Влага ликвидировала статическое электричество с волос, и теперь они лежали тяжелыми блестящими волнами вокруг лица. Спирт испарился, а тонкий аромат остался. Фрэнку понравится, ему вообще нравится «Голубой час».

За окном ослепительно вспыхнула молния, а следом загремел гром. Свет погас, и я очутилась в кромешной тьме. Ощупью нашла стол. Где-то должны быть спички и свечи; в Шотландии перебои с электричеством – обычное дело, так что свечи – необходимый предмет обихода в любой гостинице. Я видела их даже в самых роскошных отелях – там они благоухали жимолостью, стоя в подсвечниках из матового стекла с блестящими подвесками.

У миссис Бэйрд свечи были самые обыкновенные, но зато их было много и к ним три книжечки с картонными спичками. В моем положении изыски меня не интересовали.

Я вставила свечу в голубой керамический подсвечник на туалетном столике во время следующей вспышки молнии, потом зажгла еще несколько свечей, пока вся комната не наполнилась теплым мерцающим светом. Мне это показалось очень романтичным, и я шелкнула выключателем, чтобы возвращение электричества не испортило атмосферу в самый неподходящий момент.

Свечи не успели уменьшиться даже на полдюйма, когда дверь открылась и в комнату стремительно вошел Фрэнк. Воздушный вихрь, ворвавшийся с лестницы вслед за ним, задул разом три свечи. Дверь от сквозняка захлопнулась с громким стуком, и погасли еще две; Фрэнк замер, вглядываясь в полумрак и запустив руку в растрепанные волосы. Я встала и снова зажгла

свечи, попутно ворча насчет его способов заходить в помещение. Лишь после этого, обернувшись к Фрэнку, чтобы спросить, как он провел время, увидела, что он белее простыни.

– Что случилось? – спросила я. – Ты видел привидение?

– Знаешь, – медленно проговорил он, – может, и так.

С отсутствующим видом он поднял мою щетку для волос и уже собирался воспользоваться ею, но, учуяв запах одеколона, сморщил нос, вернул щетку на место и достал из кармана расческу.

Я выглянула в окно, за которым из стороны в сторону раскачивались вязы, словно огромные руки. Где-то с другой стороны дома о стену ударился отвязавшийся ставень, и мне подумалось, что стоит закрыть и наши, хотя буря за окном была удивительно зрелищной.

– Не слишком ли шумно и ветрено для призраков? – спросила я. – Мне казалось, они предпочитают тихие туманные вечера на кладбищах.

Фрэнк немного нервно рассмеялся.

– Не знаю, может, дело в историях, которые рассказывал Бейнбридж, да и шерри я выпил немного больше, чем стоило. Наверное, воображение разыгралось.

Но я уже ощущала любопытство.

– Что ты видел? – спросила я, присев на стул возле туалетного столика и кивнув на бутылку с виски. Фрэнк тут же подошел и взял два стакана.

– Я видел всего-навсего человека, – заговорил он, налив себе поменьше, а мне раза в два больше виски. – Он стоял на дорожке.

– Возле дома? – засмеялась я. – Это точно призрак, реальному человеку вряд ли придет в голову стоять на улице в такую погоду.

Фрэнк наклонил кувшин над своим стаканом, но вода не полилась, и он с упреком взглянул на меня.

– Нечего на меня смотреть, – сказала я. – Это ты израсходовал всю воду. Я охотно выпью чистого.

Для демонстрации своего намерения я сделала смелый глоток.

Фрэнк хотел спуститься вниз за водой, но передумал и начал рассказывать, потягивая виски с таким видом, словно там был не отменный «Гленфиддих», а что-то вроде купороса.

– Да, он стоял в садике у забора. Я подумал... – Фрэнк запнулся и зачем-то посмотрел в стакан. – Я подумал, что он смотрит на твое окно.

– На мое окно? Как странно!

Я ощутила невольную дрожь и все-таки пошла закрывать ставни.

Фрэнк последовал за мной, не прерывая рассказ:

– Да-да, я и сам видел тебя оттуда. Ты причесывалась и при этом ругалась, потому что волосы наэлектризовались и стояли вокруг головы.

– В таком случае парню должно было быть весело, – заметила я.

Фрэнк покачал головой, улыбнулся и погладил меня по голове.

– Нет, он не смеялся. Напротив, он казался ужасно расстроенным. Я не видел его лица, но поза была говорящая. Я подошел к нему сзади и, поскольку он стоял неподвижно, спросил, могу ли я помочь. Наверное, он меня не слышал, да и неудивительно в такую грозу, поэтому я повторил вопрос и уже было взял его за плечо, чтобы привлечь к себе внимание. Но не успел я этого сделать, как он внезапно повернулся, обошел меня и зашагал вниз по дороге.

– Не слишком вежливо, но как-то... не вовсе не призрачно, – сказала я, допив виски. – А какой он был из себя?

– Здоровенный детина. – Фрэнк нахмурился. – Шотландец, одет в национальную одежду, вплоть до споррана – шотландской сумки, отделанной мехом, – и великолепной броши с изоб-

ражением бегущего оленя, которой был заколот его килт. Я даже хотел спросить, где он ее взял, но он исчез прежде, чем я успел это сделать.

Я подошла к столу и налила себе еще виски.

– Но ведь присутствие шотландца в таком виде в этих местах вполне естественно, разве нет? Я не раз встречала таких мужчин в деревне.

– Н-н-нет, – протянул Фрэнк. – Нет, мне показалась странной не его одежда. Когда он прошел мимо меня... в общем, он прошел очень близко и должен был задеть мой рукав, но этого не произошло. Я был очень удивлен всем этим и поэтому посмотрел ему вслед. Он шел вниз по Джирисайд-роуд, но, не дойдя до угла... испарился. Вот тут-то у меня и встали дыбом волосы.

– Но ты мог отвлечься и не заметить, как он отошел в тень, – предположила я. – На углу улицы много густых деревьев.

– Готов поклясться, что не отрывал от него глаз, – пробормотал Фрэнк и вдруг встрепенулся. – Знаю! Я вспомнил теперь, почему мне все это показалось таким необычным, хотя и не сразу понял, что меня смутило.

– И что же показалось тебе странным?

Меня, признаться, уже утомил разговор о призраке, хотелось перейти к более насущным делам, например к постели.

– Ветер дул жуткий, но его одежда – плед и прочее – шевелились не от ветра, а только от его собственных движений, от походки.

Мы уставились друг на друга.

– Да, – отозвалась я, – это и в самом деле не совсем нормально.

Фрэнк пожал плечами и засмеялся, отгоняя страхи.

– Во всяком случае, мне есть что обсудить с викарием в следующий раз. Может, это хорошо известный местный призрак и викарий расскажет мне его кровавую историю. – Фрэнк посмотрел на часы. – Пора в постель.

– Да уж, – промурлыкала я.

Я видела в зеркале, как он расстегивает рубашку, и потянулась за вешалкой. Но рука Фрэнка замерла на третьей пуговице.

– Скажи мне, Клэр, во время службы у тебя было много раненых шотландцев? – резковато спросил он. – В полевом госпитале или в Пембroke?

– Конечно, – ответила я немного удивленно. – В полевом госпитале в Амьене были шотландцы из кланов Сифорт и Кэмерон, а потом еще поступили раненые из клана Гордон. Приятные ребята. Большинство. Очень стойкие, но уколов боялись до смерти.

Я невольно улыбнулась, вспомнив одного из них.

– У нас был один старый ворчун, волынщик из клана Сифорт. Терпеть не мог уколы, особенно в ягодицу. Мог часами терпеть ужасную боль, прежде чем удавалось приблизиться к нему с иглой, но и тогда начинал упрашивать, чтобы кололи в руку, хотя инъекция должна была быть внутримышечной. Он говорил: «Если уж надо лечь ничком да еще с голой задницей, то надо, чтобы девушка была подо мной, а не позади меня, и уж точно не со шляпной булавкой в руке».

Фрэнк улыбнулся, но был явно смущен, как и всякий раз после моих грубоватых военных историй.

– Не беспокойся, – заверила я, заметив неловкость, – рассказывать об этом в студенческой гостиной я не стану.

Улыбка сделалась более открытой, он подошел к туалетному столику и, остановившись у меня за спиной, поцеловал в макушку.

– Ты тоже не беспокойся, – сказал он. – Студенты отдадут тебе должное, ты завоеешь всеобщую любовь независимо от того, что за истории будешь рассказывать. Как чудесно пахнут твои волосы.

– Тебе нравится?

Руки Фрэнка скользнули по моим плечам и остановились на груди под тонкой ночной рубашкой. Его лицо отражалось в зеркале, подбородок был прижат к моей макушке.

– Мне нравится все, что связано с тобой, – сказал он хриловато. – При свечах ты выглядишь волшебно. Глаза словно вишни в хрустальном бокале и кожа цвета слоновой кости. Ты ведьма свечного света. Надо совсем отменить электрическое освещение, как думаешь?

– Тогда будет трудно читать в постели, – ответила я, сердце билось тяжело и часто.

– Я бы предпочел заниматься в постели совсем другими вещами, – пробормотал он.

– Вот как? – Я встала и обняла его за шею. – И какими?

Потом, когда мы лежали, тесно прижавшись друг к другу при закрытых ставнях, я подняла голову с его плеча и спросила:

– Почему ты спросил об этом? О том, приходилось ли мне ухаживать в госпитале за шотландцами. Ты же знаешь, что приходилось, ведь в госпитале кого только не было.

Он пошевелился и нежно провел рукой по моей спине.

– Н-ну-у, знаешь... Просто, когда я увидел этого шотландца снаружи, мне пришло в голову, что, может быть... – Он смущенно умолк. – Ну, вдруг это твой бывший пациент... узнал откуда-то, что ты здесь, приехал повидать тебя... что-нибудь вроде того.

– В таком случае почему бы ему не постучать и не спросить обо мне?

– Может, он не хотел встречаться со мной, – ответил Фрэнк нарочито небрежным тоном.

Я приподнялась, оперлась на локоть и посмотрела ему в лицо. Мы оставили гореть одну свечу, и я хорошо видела его. Он отвернулся и с необыкновенной увлеченностью принялся разглядывать литографию с портретом Красавчика принца Чарли, которой миссис Бэйрд украсила комнату.

Я ухватила его за подбородок и повернула лицом к себе. Он широко распахнул глаза в притворном изумлении.

– Уж не предполагаешь ли ты, – начала я, – что мужчина, которого ты видел на улице, это... это...

Я не могла найти нужного слова.

– Любовник? – попытался помочь мне Фрэнк.

– Некто, имеющий на меня виды? – сформулировала я.

– Нет-нет, разумеется, нет, – ответил Фрэнк неуверенно.

Он убрал мои руки со своего подбородка и попытался меня поцеловать, но на этот раз была моя очередь увернуться. Он сел рядом со мной.

– Просто... – начал он. – Пойми, Клэр, ведь прошло шесть лет. Мы виделись только три раза, причем в последний раз всего на один день. Ничего сверхъестественного в том, что... Я хочу сказать, военные врачи и медсестры постоянно испытывают стресс и часто находятся в экстремальных ситуациях... Я бы понял, если бы что-то такое...

Я прекратила этот поток бессвязных слов, вскочив с постели.

– Ты считаешь, что я тебе изменяла? – выкрикнула я. – Ты так думаешь? Если да, убирайся из комнаты сию минуту! Оставь этот дом! Как ты смеешь предполагать такое?

Я кипела от возмущения. Фрэнк, сидя на кровати, протянул ко мне руки, пытаясь успокоить меня.

– Не прикасайся ко мне! – вопила я. – Отвечай: решил ли ты, будто я заводила романы на стороне со своими пациентами на том основании, что увидел, как какой-то тип пялится на меня в окно?

Фрэнк встал с постели и обхватил меня обеими руками. Я застыла, словно жена Лота, но он гладил меня по голове и по плечам, осторожно и нежно – он знал, что это мне нравится.

– Нет, ничего подобного, – твердо сказал он. Он обнял меня еще крепче, и я постепенно расслабилась, но не настолько, чтобы самой обнять его.

Так мы стояли долго, и наконец он зашептал мне в ухо:

– Я не думаю, что ты способна на такое, я только хотел сказать, что если бы это и случилось... Клэр, для меня это не ничего не поменяло бы. Я так тебя люблю! Что бы ты ни сделала, я не перестану любить тебя.

Он обхватил мое лицо ладонями – выше меня всего на четыре дюйма, он легко мог заглянуть мне прямо в глаза – и сказал нежно:

– Ты простишь меня?

Я ощущала на лице его теплое дыхание, в нем чувствовался «Гленфиддих», а его губы, чувственные и манящие, находились в опасной близости.

Новая вспышка молнии возвестила неожиданное возвращение утихшей было грозы, и дождь забарабанил по черепичной крыше.

Я обвила руками Фрэнка.

– «Насильно милосердья не добиться, – процитировала я, – оно должно росой с небес пролиться».

Фрэнк засмеялся и посмотрел на потолок: увеличивающиеся мокрые пятна не сушили нам комфортной ночи.

– Если это выражение твоего милосердия, – сказал Фрэнк, – то я не хотел бы познакомиться с твоим отмщением.

Словно в ответ ударил пушечный раскат грома, и мы оба от души рассмеялись.

Только позже, гораздо позже, слушая ровное дыхание Фрэнка, я задумалась о нашем разговоре. Я сказала ему правду: меня нельзя было упрекнуть в неверности. Меня – нет. Но ведь шесть лет, как он сказал, очень долгий срок.

Глава 2

Каменные столбы

Мистер Крук позвонил в дверь, как и было оговорено, ровно в семь утра.

– Ну что, соберем росу с лютиков, юная леди? – произнес он и подмигнул с некоей стариковской галантностью.

Приехал он на мотоцикле, чем-то похожем на него самого; на этом аппарате мы должны были доехать до нужного места за деревней. Сетки для гербария были аккуратно закреплены по обеим сторонам драндулета, будто амортизаторы на буксирном судне. Мы неторопливо двинулись в путь по тихой сельской местности, которая казалась еще более тихой на контрасте с шумом от нашего транспортного средства; грохотание прекратилось – и тишина обступила нас. Мистер Крук действительно много знал о местных растениях. И не только о том, где их искать, но и об их применении, о том, как готовить из них лекарства. Я пожалела, что не купила записную книжку, в которую можно было бы все записать, и внимательно слушала объяснения старика, стараясь все запомнить, пока укладывала образцы в массивные гербарные сетки.

Мы присели перекусить у подножия странного холма с плоской вершиной. Зеленый, как и все окрестные холмы, с такими же выступами и валунами, он все же отличался: вверх по склону вилась тропка, которая исчезала за выступающей гранитной породой.

– Что там наверху? – спросила я, показав на вершину холма рукой, в которой был зажат сэндвич с ветчиной.

– А! – Мистер Крук поднял голову и посмотрел на холм. – Это Крэг-на-Дун, девчушка. Я собирался показать вам его после нашего ланча.

– Правда? Это что-то интересное?

– Да, – коротко ответил он и замолчал: мол, сами увидите.

У меня были некоторые сомнения по поводу того, сможет ли он подняться так круто в гору, однако они рассеялись, когда я обнаружила, что с трудом поспеваю за ним. Мистер Крук, поднявшись сам, протянул мне свою мозолистую руку и втащил меня наверх.

– Ну вот, поглядите, – сказал он, обводя пейзаж рукой жестом собственника.

– Ой, да ведь это хендж³! – восторженно вскрикнула я. – Хендж в миниатюре.

В Солсбери я не была уже много лет – из-за войны, но мы с Фрэнком посещали Стоунхендж почти сразу после свадьбы. Как и другие туристы, мы бродили между огромными каменными монолитами с благоговением, таращились на древний алтарь (где жрецы-друиды приносили кровавые человеческие жертвы, как объяснил, глотая слогги в стиле настоящего кокни, гид, приехавший с автобусом итальянцев, которые добросовестно снимали самый обычный на вид каменный блок).

Из той же самой педантичности, которая заставляла Фрэнка располагать галстуки на вешалке таким образом, чтобы их концы совпадали, мы обошли все сооружение по окружности, измерили расстояние между отверстиями «зет» и «игрек» и сосчитали проемы во внутреннем круге кромлеха, самом удаленном от центра кольце мегалитов.

Три часа спустя мы уже знали, сколько там отверстий «зет» и «игрек» (пятьдесят девять, если вас это волнует, меня – нет), но имели не больше представления о назначении этой странной композиции, чем десятки любителей и археологов-профессионалов, ползавших вокруг него целых пять столетий.

³ Хендж (отст. – *англ.* heng – «висячий» в составе *англ.* Stonehenge – «висячий камень») – тип доисторического земляного сооружения. По форме представляет собой почти круглую или овальную площадку, окруженную земляным валом. Внутренние компоненты могут включать порталы сооружения, деревянные круги, группы камней или монолиты, колодцы, захоронения, центральные курганы и др.

Недостатка в гипотезах нет, что и говорить. Жизнь среди ученых продемонстрировала мне, что подчас хорошо скроенная гипотеза куда лучше, чем плохо сформулированный факт.

Замок. Курган. Обсерватория. Место казни (плахой служил так называемый «Кровавый камень», наполовину ушедший в землю). Рынок на открытом воздухе. Мне больше всего нравилась эта версия: так и вижу перед собой древних домохозяек, которые крутятся между проходами с корзинками в руках, критикуя качество новой партии чашек и мисок из красной глазурованной глины и недоверчиво слушая крики зазывал, нахваливающих свой товар – пекарей, торговцев олениной и янтарными бусами.

Единственным убедительным опровержением этой гипотезы мне кажется наличие захоронений под алтарным камнем и кремированных останков в отверстиях «зет». Хоронить покойников на рынке как-то негигиенично, за исключением, может, того случая, если это останки торговцев, уличенных в надувательстве.

В миниатюрном хендже на холме следов захоронений не видно. Собственно говоря, «миниатюрны» местные мегалиты лишь по сравнению со Стоунхенджем, но вообще-то они довольно массивны и в высоту составляют почти два моих роста.

Я слышала от гида в Стоунхендже, что такие сооружения – их называют кромлехами – распространены по всей Британии и в Европе вообще. Одни сохранились лучше, другие хуже, они немного отличаются ориентацией и расположением элементов, но функция их неизвестна. Как и происхождение.

Пока я бродила между камней, мистер Крук стоял, наблюдая за мной, и загадочно улыбался; время от времени я останавливалась, чтобы прикоснуться к мегалиту – осторожно, будто мое прикосновение могло оставить какой-то след на этих древних столбах.

На некоторых камнях были какие-то тусклые темноватые полосы и пятна. В других мерцали слюдяные вкрапления, весело отражавшие лучи утреннего солнца. И все они резко отличались от местного камня, от местных пород, которые торчали повсюду в траве. Кто бы ни создал эти круги из каменных столбов и с какой бы целью это ни сделал, строители считали дело достаточно важным, чтобы добыть, обработать и перевезти каменные блоки в нужное место и правильным образом составить. Обработать – как? Перевезти – каким образом и на какое невообразимое расстояние?

– Мой муж с ума сойдет от восторга, – сказала я мистеру Круку, остановившись поблагодарить его за то, что он показал мне это место и рассказал о растениях. – Я привезу его сюда.

Перед спуском мой проводник любезно предложил мне помочь и протянул руку. Я приняла ее: глянув вниз, я подумала, что, несмотря на почтенный возраст, этот бывалый травник в форме получше моей.

Уже за полдень я шла по дороге к деревне – надо было забрать Фрэнка из дома викария. Я с наслаждением вдыхала воздух горной Шотландии, запахи вереска, шалфея и раkitника, сдобренные печным дымком и приправленные пряным духом жареной сельди возле разбросанных в художественном беспорядке коттеджей. Деревня раскинулась на небольшом пологом склоне у подножия одного из утесов, какие то и дело вздымаются из шотландских торфяников. О послевоенном подъеме кричала свежая краска на домах, и даже обиталище священника принарядилось: старые, побитые жизнью рамы были обведены светлой желтой полосой.

Дом был выстроен по меньшей мере столетие назад. Дверь мне открыла экономка викария, высокая и очень прямая женщина с тремя нитками искусственного жемчуга на шее. Узнав, кто я, она приветливо поздоровалась и повела меня через узкую и темную прихожую, стены которой были увешаны гравюрами с портретами неизвестных мне людей: это могли быть исторические личности, близкие родственники викария, а может, вообще члены королевской семьи, – в сумраке лица невозможно было рассмотреть.

В отличие от прихожей кабинет был буквально залит светом благодаря огромным панорамным окнам в одной из стен. Мольберт возле камина, на котором стоял неоконченный этюд

маслом, изображающий черные скалы на фоне вечернего неба, объяснял происхождение этих окон, сделанных явно намного позже закладки дома.

Фрэнк и низенький, пухлый викарий в высоком клерикальном воротнике самозабвенно изучали кипу каких-то древних бумаг на столе возле дальней стены. Фрэнк едва кивнул, заметив меня, но священник оторвался от дела и поспешил пожать мне руку, сияя радушием.

– Миссис Рэндолл! – воскликнул он, потрясая мою руку с самым сердечным выражением. – Как приятно снова увидеть вас. Вы как раз вовремя, у нас есть новости.

– Новости?

Я искоса глянула на стол с бумагами. Судя по цвету и чистоте, а также по виду букв, новости относились примерно к 1750 году. Речь не о свежих газетах.

– Именно так! Мы наткнулись на имя предка вашего мужа.

– Джек Рэндолл, так вот, мы его обнаружили в армейских списках. – Викарий склонился ко мне и заговорил одним углом рта, словно какой-то гангстер из американского фильма. – Я, представьте себе, одолжил оригиналы в архиве местного исторического общества. Прошу вас, никому ни слова об этом.

Я с готовностью пообещала ему не выдавать эту страшную тайну и поискала глазами стул поудобнее, чтобы в комфорте узнать сенсационные сведения двухсотлетней давности. Глубокое кресло у окна показалось мне подходящим, но когда я захотела пододвинуть его к столу, обнаружилось, что оно уже занято. В нем крепко спал маленький мальчик с копной блестящих черных волос.

– Роджер!

Викарий подошел помочь мне и удивился не меньше моего. Мальчик, проснувшись, вскочил и широко распахнул темно-карие глаза.

– Как ты здесь оказался, разбойник ты этакий! – с притворным возмущением воскликнул священник. – Ах вот оно что! Заснул за своими комиксами!

Он сгреб пестрые страницы и вручил их ребенку.

– Ступай сейчас же к себе, у меня дела с мистером и миссис Рэндолл. Постой, я забыл тебя представить. Миссис Рэндолл, это мой сын Роджер.

Я, признаться, была заинтригована. Достопочтенный пастор Уэйкфилд являл для меня истинный образчик закоренелого холостяка. Но я тепло пожала вежливо протянутую ручонку и удержалась от невольного желания вытереть свою о платье – ладошка мальчика была влажной от пота.

Достопочтенный Уэйкфилд проводил Роджера нежным взглядом.

– На самом деле это сын моей племянницы, – сказал он, когда ребенок закрыл дверь. – Отец убит на Ла-Манше, мать погибла во время бомбардировки. Я взял ребенка к себе.

– Это очень великодушно, – пробормотала я, тотчас вспомнив дядю Лэмба.

Дядя тоже погиб во время воздушного налета. Бомба залетела в аудиторию Британского музея как раз во время его лекции. Зная его, полагаю, что он был бы счастлив осознать перед смертью: крыло, где хранились персидские древности, уцелело.

– Вот уж нет, нисколько! – замахал руками викарий. – Я только рад, что в доме поселилось юное создание. Но садитесь, прошу вас!

Фрэнк заговорил прежде, чем я поставила на пол свою сумку.

– Это просто необыкновенная удача, Клэр, – с восторгом заявил он, указательным пальцем пролистывая стопку листов с загнутыми уголками. – Викарий обнаружил целый ряд военных донесений, в которых упоминается имя Джека Рэндолла.

– Значительное их число принадлежит самому капитану Рэндоллу, – заметил викарий, забирая у Фрэнка несколько страниц. – Примерно четыре года он служил в гарнизоне Форт-Уильяма и, кажется, достаточно много времени проводил по ту сторону границы, досажая шотландцам под эгидой британской короны. Вот это вот, – он бережно вытащил десяток лист-

ков и положил на стол, – жалобы на капитана со стороны шотландских семей и отдельных землевладельцев, все они обвиняют его в самых разнообразных преступлениях, начиная от непристойного поведения солдат с прислугой женского пола и кончая кражей лошадей, о более мелких происшествиях уж и говорить не приходится.

Меня все это позабавило.

– Значит, среди твоих предков затесался конокрад? – обратилась я к Фрэнку.

Он только плечами пожал, ничуть не потревоженный.

– Он был таким, каким был, с этим ничего не поделаешь. Мне всего лишь хочется узнать побольше. Подобные жалобы – дело самое обычное, особенно с поправкой на исторический период: англичанам, а особенно военным, были, мягко говоря, не особенно рады в тогдашней горной Шотландии. Удивительно другое: все жалобы на Рэндолла не имели последствий, даже самые серьезные.

Викарий, не в состоянии долее сдерживаться, вмешался:

– Совершенно верно! Офицеров той поры никак нельзя мерить по современным меркам, они могли позволить себе многое. Но здесь все в самом деле странно: жалобы не только не расследовали с вынесением последующих решений, о них просто больше нет упоминаний. Знаете, что я думаю, Рэндолл? У вашего предка был могущественный покровитель. Человек, который мог защитить его от гнева вышестоящих чинов.

Фрэнк, скосив глаза на бумаги, задумчиво почесал затылок.

– Вы, вероятно, правы. И это должен быть очень влиятельный человек. Может, какая-нибудь армейская шишка или представитель высшей знати.

– А возможно...

Викарий был вынужден прерваться, так как в комнату вошла экономка, миссис Грэхем.

– Предлагаю вам подкрепиться, джентльмены, – сказала она и уверенным движением водрузила на письменный стол чайный поднос.

Преподобный Уэйкфилд с молниеносной быстротой подхватил со стола свои бесценные документы. Миссис Грэхем посмотрела на меня острым, оценивающим взглядом подвижных, блестящих, словно глазурь на фарфоре, слегка прищуренных глаз.

– Я принесла только две чашки, потому что подумала, может, миссис Рэндолл захочет присоединиться ко мне в кухне. У меня там немного...

Я не дала ей закончить и поспешно поднялась с кресла, готовая принять ее предложение. Мы еще не успели закрыть дверь в кухню, а дебаты уже возобновились.

Чай был горячий и ароматный, в нем кружились чайные листочки.

– Ммм, – произнесла я, опуская на стол чашку, – я так давно не пробовала улун.

Миссис Грэхем кивнула с широкой улыбкой, радуясь тому, что я оценила ее усилия. Под каждую тонкую фарфоровую чашку была подложена салфеточка из кружева ручной работы, к чаю она подала сконы и сливочный крем.

– Во время войны купить такой чай было невозможно, – сказала миссис Грэхем. – А ведь это самый лучший чай. Ужасно было пить один только «Эрл Грей» столько времени! Листочки так быстро оседают на дно чайника, что на них не погадаешь.

– Вы умеете гадать по чайнкам? – спросила я смеясь. Миссис Грэхем с ее коротким, стального цвета идеально уложенным перманентом и тремя нитками искусственного жемчуга на шее меньше всего походила на гадалку. Когда она делала глоток чая, видно было, как он опускается вниз по тонкой стройной шее и скрывается под перламутровыми бусами.

– Конечно же, умею, дорогая моя. Меня научила моя бабушка, а ее научила ее бабушка. Допивайте вашу чашку, и я посмотрю, что там у вас.

Она очень долго молча разглядывала мою чашку, то подставляя ее поближе к свету, то поворачивая медленно-медленно длинными пальцами и отыскивая нужный угол. Потом миссис Грэхем поставила чашку на стол так осторожно, словно боялась, что она рассыплется у

нее в руке. Носогубные складки обозначились резче, брови сдвинулись в одну линию – она выглядела ошарашенной.

– Ну, – произнесла она наконец, – картина на редкость странная.

– Вот как? – Я все еще веселилась, но вместе с тем мне стало любопытно. – Неужели мне встретится таинственный брюнет или, чего доброго, предстоит переплыть океан?

– Возможно. – Миссис Грэхем приняла мой иронический тон и говорила с легкой усмешкой. – А возможно, что и нет. Именно это и кажется мне странным, дорогая. Все в противоречиях. Вот этот свернутый листик сулит путешествие, но на нем лежит разорванный, который это перечеркивает. Незнакомцев будет даже несколько, причем один из них – ваш муж, если я правильно поняла положение листков.

Мое шутовское настроение совсем улетучилось. Шесть лет мы с мужем провели в разлуке и только полгода вместе – он, разумеется, во многом продолжал оставаться для меня незнакомцем... Но каким образом это стало известно чайному листочку?

Брови миссис Грэхем были все еще сдвинуты.

– Разрешите мне взглянуть на вашу руку, милая, – попросила она.

Рука, в которую она взяла мою, оказалась худой, но удивительно теплой. От склонившейся над моей ладонью аккуратно уложенной головы шел запах лаванды. Она разглядывала мою ладонь долго, время от времени проводя пальцем по какой-нибудь линии, словно изучала карту, на которой дороги упирались в болота или терялись в пустыне.

– Ну что там? – не вытерпела я. – Неужели судьба моя столь ужасна, что о ней не стоит и говорить?

Миссис Грэхем подняла глаза, полные лукавой насмешки, взглядела в мое лицо, но не отпустила руку. Покачала головой, поджав губы.

– Нет, моя дорогая, судьба ваша не написана у вас на ладони. Только ее семена. – Она по-птичьи склонила голову набок, о чем-то раздумывая. – Линии на вашей руке меняются. В иное время они могут стать совершенно другими, не такими, как сейчас.

– Я об этом не знала. Я считала, что с ними рождаешься, и все. – Я с трудом подавила желание отобрать свою руку у миссис Грэхем. – В чем же тогда суть такого гадания?

Я не хотела быть грубой, просто изучение моей руки показалось мне неуместным, особенно после гадания на чайных листьях. Миссис Грэхем неожиданно улыбнулась и свела мои пальцы над ладонью.

– Видите ли, дорогая, линии на руке показывают, что вы за человек. Потому они и меняются – или должны меняться. У некоторых людей изменений не происходит, и они по-своему несчастны. Но их не так много. – Она сжала мой кулачок и похлопала по нему второй рукой. – Сомневаюсь, что вы относитесь к их числу. На вашей ладони много изменений, несмотря на ваш возраст. Но тут война сыграла свою роль.

Последние слова она произнесла как бы про себя.

Мне снова стало интересно, и я сама раскрыла ладонь.

– И что же я из себя представляю, если судить по руке?

Миссис Грэхем сделалась серьезной, но не взяла мою руку.

– Не могу вам этого объяснить с точностью. Как ни странно, руки похожи одна на другую. Я вовсе не намерена утверждать, что, увидев и изучив одну, вы обретете знание. Но существуют, как бы вам сказать, определенные типы. – Миссис Грэхем опять улыбнулась на удивление обаятельной улыбкой, открыв два ряда безупречно белых искусственных зубов.

– Ведь как работают гадалки? Я сама этим занимаюсь по престольным праздникам, то есть занималась до войны. Вероятно, теперь начну опять. Девушка входит в шатер, а там сижу я в тюрбане с павлиньим пером, позаимствованным у мистера Доналдсона, и в изысканных восточных одеждах, иными словами, в желтом, как солнце, халате викария, сплошь разрисованным павлинами. Прикидываясь, что смотрю на ладонь, я на самом деле разглядываю девушку

и вижу – разрез у нее на блузке чуть не до пупа, она благоухает дешевыми духами, а серьги свисают до самых плеч. Мне уже не нужно заглядывать в хрустальный шар, чтобы сообщить ей, что у нее будет ребенок к этому самому дню на следующий год. – В глазах у миссис Грэхем зажегся озорной огонек. – Хотя, если кольца на ладони нет, уместно будет сначала пообещать замужество.

Я засмеялась, засмеялась и миссис Грэхем.

– Значит, вы вообще не смотрите на ладони? – спросила я. – Разве только проверить, нет ли обручального кольца?

Она удивилась.

– Да нет, смотрю, конечно. Просто, как правило, заранее знаешь, что ты там найдешь. В общих чертах.

Она бросила взгляд на мою открытую ладонь.

– Но такой вязи я прежде не встречала. Зато у вас крупный большой палец. – Она слегка дотронулась до него, склонившись вперед. – Он сильно не поменяется. Это значит, что вы женщина упрямая, с собственным мнением – вас нелегко переубедить. Думаю, ваш муж говорил вам об этом. И еще кое о чем.

Она показала на бугорок у основания большого пальца.

– Что же это?

– Это так называемый бугорок Венеры. – Она чопорно поджала тонкие губы, но их уголки ползли вверх. – На руке мужчины подобный бугорок означал бы, что мужчина этот чрезвычайно любвеобилен. С женщинами дело обстоит немного иначе. Как бы выразиться по деликатнее... сделать вам маленькое предсказание, что мужу вашему не нравится далеко уходить от супружеской постели.

Совершенно неожиданно для меня она издала скабресный смешок, и я покраснела.

Пожилая экономка снова склонилась над моей ладонью, внимательно рассматривая ее и проводя пальцем по тем линиям, о которых она говорила.

– Линия жизни четкая. Здоровье у вас отменное, и останется таким. На линии жизни заметен разрыв, это значит, что она резко изменилась. Впрочем, это произошло со всеми нами, не так ли? Однако на вашей линии жизни гораздо больше отрезков, чем я привыкла видеть, она как бы вся составлена из кусочков, фрагментов. А линия брака, – она покачала головой, – раздваивается. В этом тоже нет ничего странного – два замужества.

Моей первой реакцией на последний комментарий было возмущение, но я его тут же подавила. Тем не менее миссис Грэхем уловила мое недовольство и подняла глаза на меня. Я вдруг подумала, что она и в самом деле весьма проницательна. Успокаивая меня, она снова покачала седой головой.

– Нет-нет, милочка, с вашим прекрасным мужем ничего худого не случится. Дело совсем не в том.

Она слегка пожала мою руку.

– Вам не грозит зачахнуть от одиночества и провести остаток жизни в трауре. Это всего лишь означает, что вы из тех, кто способен полюбить снова, если первая любовь уйдет.

Она еще раз пригляделась к моей ладони и провела коротким ребристым ногтем по линии брака.

– Большинство двойных линий обрывается, но на вашей вилка. – У нее на губах заиграла лукавая улыбка. – Надеюсь, вы не двумужница?

Я рассмеялась:

– Куда там! Времени не хватило бы.

Я повернула руку таким образом, чтобы миссис Грэхем было видно ребро ладони.

– Я слышала, будто маленькие черточки вот здесь показывают количество детей. Это правда? – спросила я как можно небрежнее – край моей ладони был удручающе гладок.

Миссис Грэхем отмахнулась от этого предположения.

– Ерунда! Линии здесь появляются уже после того, как вы родите парочку ребятишек. Предварительных указаний не бывает. Скорее на носу их обнаружите, чем на руке.

– Правда?

Я глупо обрадовалась и собралась было спросить, не означают ли глубокие линии у меня на запястье склонности к самоубийству, когда нас прервали.

Преподобный Уэйкфилд вошел в кухню с пустыми чашками, поставил их на поднос и принялся шумно рыться в буфете, явно рассчитывая на помощь.

Миссис Грэхем вскочила на ноги, готовая защитить свое святилище – кухню. Ловко отодвинув преподобного в сторону, она принялась нагружать поднос всем необходимым для продолжения чаепития в кабинете. Меня она тоже оттеснила с дороги.

– Миссис Рэндолл, почему бы вам не вернуться в кабинет и не выпить еще чашечку чая вместе со мной и вашим мужем? Мы с ним сделали несколько поистине интересных открытий.

Было очевидно, что, несмотря на внешнее хладнокровие, он на самом деле ликует при мысли о своем открытии не меньше, чем мальчуган, припрятавший в кармане жабу. Разумеется, я обязана была пойти и изучить счета капитана Джонатана Рэндолла от его прачки или сапожника, а также другие архиважные документы.

Фрэнк настолько погрузился в изучение замызганных бумажек, что едва заметил мое появление в кабинете. Он весьма неохотно передал бумаги в пухлые ручки викария, встал у него за спиной и устался через его плечо в текст, словно не мог оторваться от него ни на минуту.

– Да? – заговорила я самым любезным тоном, коснувшись листков. – Да-а, очень, очень любопытно.

На самом деле мне бы ни за что не удалось расшифровать эти выцветшие записи, сделанные неразборчивым почерком. На одном из документов, сохранившемся лучше других, сверху был изображен какой-то герб.

– Герцог... кажется, герцог Сандрингем, верно? – спросила я, глядя на изображение лежащего леопарда с надписью под ним, более четкой и разборчивой, чем остальной текст.

– Вот именно, – ликуя, подтвердил викарий. – Вымерший титул, как вам известно.

Я этого не знала, но кивнула с видом знатока, демонстрируя свою сопричастность к моменту невероятного открытия. В таких случаях редко требуется нечто большее, нежели время от времени произносить: «В самом деле?» или: «Но это же просто потрясающе!» – и кивать.

Они некоторое время спорили, кому достанется возможность посвятить меня в суть дела, и возможность эта, вернее, как выразился преподобный, высокая честь досталась викарию. Как выяснилось, весь шум поднялся по следующему поводу: пресловутый Черный Джек Рэндолл был не просто выдающимся офицером английской королевской армии, но доверенным – и тайным – агентом герцога Сандрингема.

– Скорее всего, агент-provokator, не так ли, доктор Рэндолл?

Викарий изящно перебросил мяч Фрэнку, который его немедленно подхватил.

– Да, пожалуй... Язык, конечно, весьма непрозрачный...

– В самом деле? – вставила я.

– Во всяком случае можно не сомневаться, что Джонатану Рэндоллу была поручена миссия определенного характера: обнаружить якобитские симпатии среди наиболее известных фамилий в этом регионе Шотландии. Действовать так, чтобы тайные планы и склонности лэрдов и вождей кланов делались очевидными. Но тут есть одна странность. Разве самого Сандрингема не подозревали в связях с якобитами?

Фрэнк повернулся к викарию, всем своим видом выражая недоумение. Лицо священника отразило это недоумение, будто зеркало, гладкий лысый лоб пошел волнами морщин.

– О да, полагаю, вы правы. Подождите-ка, давайте заглянем в Камерона. – Он кинулся к книжной полке, уставленной кожаными корешками. – Он, без сомнений, упоминает о Сандрингеме.

– Это просто невероятно, – пробормотала я, когда мое внимание привлекла огромная, занимавшая чуть ли не всю стену пробковая доска. На ней располагались самые разные вещи, главным образом бумаги: счета за газ, заметки, сделанные рукой викария, газетные вырезки, послания епархиального совета, вырванные из книг страницы. Но были там и некоторые мелкие предметы, например ключи, крышки от бутылок и, кажется, даже какие-то автомобильные запчасти, закрепленные при помощи гвоздей и клейкой ленты.

Я лениво разглядывала это странное собрание, вполуха слушая дискуссию за спиной. (Герцог Сандрингем был-таки якобитом, решили они.) Но тут я заметила генеалогическое древо, прикрепленное четырьмя кнопками за уголки. Верхняя часть включала имена, относящиеся к началу семнадцатого столетия, но меня больше заинтересовало имя, написанное в самом низу: Роджер У. (Маккензи) Уэйкфилд.

– Извините меня, – вмешалась я в финальную часть диспута о том, что держит в лапе леопард на гербе герцога – лилию или крокус. – Это древо вашего сына?

– А? О да, да, конечно!

Викарий, снова просияв, поспешил подойти ко мне. Он осторожно снял документ со стены и положил его на стол прямо передо мной.

– Я не хочу, чтобы он забывал историю своей семьи, – объяснил он. – Генеалогия старинная, восходит к шестнадцатому веку.

Пухлым указательным пальцем он провел линию снизу вверх почти с благоговением.

– Я дал мальчику свое имя, это удобнее, поскольку он живет здесь, но не хотел, чтобы он забыл свое происхождение. Боюсь, что моей собственной семье в этом отношении нечем похвастаться.

На лице викария появилось виноватое выражение.

– Все больше викарии да помощники приходского священника, затесался для разнообразия один книготорговец, вот и все. Проследить историю семьи удалось примерно до тысяча семьсот шестьдесят второго года. Скучная информация, мало документов. – Он покачал головой, явно сокрушаясь о генеалогической беспечности своих предков.

Мы очень поздно ушли от викария; он пообещал, что завтра первым делом отправит письма в город, чтобы с документов сняли копии. Большую часть пути до дома миссис Бэйрд Фрэнк что-то упоенно рассказывал о шпионах и якобитах, но в конце концов обратил внимание на то, что я почти ничего не говорю.

– Что с тобой, любимая? – спросил он, нежно взяв меня за руку. – Тебе нездоровится?

В голосе его звучало беспокойство пополам с надеждой.

– Нет, я чувствую себя хорошо. Я просто подумала... – Я запнулась, вспомнив, что мы уже обсуждали эту проблему. – Я думала о Роджере.

– О Роджере?

Я нетерпеливо вздохнула.

– Господи, Фрэнк! Ну как можно быть таким забывчивым? О Роджере, сыне преподобного Уэйкфилда.

– Ах да, конечно, – отозвался Фрэнк рассеянно. – Милый ребенок. Ну и что с ним такое?

– Да ничего... просто сейчас очень много таких детей. Я имею в виду – сирот.

Теперь взгляд у Фрэнка был уже не отсутствующий, в лице проявилась резкость. Он покачал головой.

– Нет, Клэр. Ты знаешь, я хочу ребенка, но я тебе говорил, как отношусь к усыновлению. Это... ну, в общем, я не смогу считать своим ребенка, которого... зачал не я. Это, наверное,

смешно и даже эгоистично с моей стороны, но ничего не поделаешь. Может, со временем я изменю свою точку зрения, но сейчас...

Некоторое время мы шли рядом несколько отчужденно. Потом Фрэнк вдруг повернулся ко мне и взял меня за руки.

– Клэр, – заговорил он негромко и хриповато, – я хочу нашего ребенка. Важнее тебя для меня нет ничего в мире. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, и в то же время хочу сохранить тебя для себя. Чужой ребенок, с которым у нас нет ничего общего, будет казаться мне пришельцем из иного мира, захватчиком, это для меня непереносимо. Зачать нашего ребенка, видеть, как он растет в тебе, как он придет в этот мир... это для меня значит даже больше, чем видеть в нем твое подобие... и мое тоже. Подлинная частица семьи.

Глаза у него сделались большие и умоляющие.

– Да, ты прав. Я поняла.

Мне хотелось оставить эту тему, по крайней мере сейчас. Я пошла дальше по дороге, но Фрэнк догнал меня и обнял:

– Клэр, я люблю тебя.

Он произнес это с такой искренностью, что я невольно опустила голову ему на грудь, ощутив тепло его тела и силу обхвативших меня рук.

– Я тоже люблю тебя.

Мы немного постояли так на ветру, который задувал вдоль дороги. Внезапно Фрэнк откинулся назад и с улыбкой посмотрел на меня.

– И потом, – шепотом проговорил он, ласково убирая волосы с моего лица, – мы могли бы над этим поработать, так ведь?

– Разумеется, – улыбнулась и я.

Он взял меня под руку и близко притянул к себе.

– Сделаем еще попытку?

– Конечно. Почему нет?

Мы двинулись вместе по Джирисайд-роуд. И когда я увидела Бара Мор, пиктский камень на углу улицы, я вспомнила о других древних камнях.

– Я совсем забыла! – воскликнула я. – Мне нужно показать тебе нечто экстраординарное. Фрэнк посмотрел на меня, сжав мою руку, и притянул ближе.

– Я тоже, – сказал он, улыбаясь. – Ты свое чудо покажешь мне завтра.

Но на следующее утро нам пришлось заниматься другими вещами. Я забыла, что мы запланировали поездку в Грейт-Глен, на озеро Лох-Несс.

Дорога неблизкая, и мы выехали рано, до рассвета. Утро выдалось холодное, и после пробежки к ожидающей нас машине было так уютно укрыться пледом и почувствовать, как согреваются руки и ноги. Вместе с теплом пришла восхитительная дремота; я блаженно уснула, положив голову Фрэнку на плечо, последнее, что я видела до того, как мои веки сомкнулись, был темный силуэт головы водителя на фоне краснеющей зари.

Мы добрались до места в начале десятого, нанятый Фрэнком гид ждал нас на берегу возле небольшого ялика.

– Если вы не возражаете, сэр, я предложил бы небольшое путешествие по озеру до замка Уркхарт. Там мы перекусим, а потом двинемся дальше.

Гид, очень серьезный низенький человек в потрепанной холщовой рубаше и саржевых брюках, аккуратно уложил корзинку с припасами под сиденье ялика и протянул мне крепкую загрубевшую ладонь, чтобы помочь сесть в лодку. Это был восхитительный день. Распускающаяся по обрывистым берегам весенняя зелень отражалась в покрытой мелкой рябью глади озера. Наш гид оказался знающим и красноречивым; по пути он рассказывал нам об островах, а также о замках и развалинах по берегам длинного узкого озера.

– Вон он, замок Уркхарт, – указал гид на гладкую каменную стену, едва заметную за деревьями. – Вернее, то, что от него осталось. Он был проклят ведьмами Глена и пережил множество несчастий.

Он рассказал нам историю Мэри Грант, дочери лэрда, владельца замка, и ее возлюбленного, поэта Доналда Донна, сына Макдоналда из Боунтина. Отец девушки запретил ей видеться с Доналдом, потому что последний угонял любую скотину, какая ему попадалась (гид заверил нас, что это была старинная и весьма почтенная профессия в горах Шотландии), но они продолжали встречаться тайком. Отцу это не понравилось; Доналда заманили на подставное свидание и схватили. Приговоренный к смерти, он умолял, чтобы его обезглавили как джентльмена, а не вешали как преступника. Ему пошли навстречу, и молодой человек положил голову на плаху, повторяя: «Дьявол заберет лэрда Гранта, а Доналд Донн не будет повешен». Легенда утверждает, что когда отрубленная голова скатилась с плахи, она заговорила и произнесла: «Мэри, подними мою голову».

Я вздрогнула, и Фрэнк обнял меня за плечи.

– Сохранился отрывок его стихотворения, – сказал он тихонько. – Вот послушай:

Завтра буду я на холме, обезглавленный.
Пожалеете ли вы невесту мою, убитую горем,
Мою златокудрую Мэри с глазами бездонными?

Я легонько сжала его руку.

Истории шли одна за другой – о предательствах, убийствах и преступлениях, и теперь мне казалось, что озеро заслужило свою мрачную репутацию.

– Что вы скажете о чудовище? – спросила я, вглядываясь в темные глубины. – Вполне подходящее местечко для какого-нибудь монстра.

Наш гид пожал плечами и сплюнул в воду.

– Озеро, конечно, таинственное, – ответил он. – О чудовище рассказывают разное. Ему будто бы приносили человеческие жертвы, даже маленьких детей якобы сбрасывали в воду в плетеных корзинках. – Он снова плюнул в воду. – Говорят, озеро это бездонное – в самом центре у него глубочайшая в Шотландии дыра. С другой стороны, – сощурил он глаза, – рассказывают, что несколько лет назад одна супружеская пара из Ланкашира ворвалась в полицейский участок в Инвермористоне с воплями о том, что они только что видели, как из озера вылезло чудовище и скрылось в папоротниках. Чудовище просто ужасное, покрытое рыжей шерстью, с огромными рогами, оно что-то жевало, и из пасти у него капала кровь.

Гид поднял руку, предупреждая мой испуганный вскрик.

– Послали констебля посмотреть, что там такое, он вернулся и подтвердил, что, за исключением крови, эти люди очень точно описали... – гид немного помедлил ради пушного эффекта, – шотландскую корову, которая жевала в зарослях папоротника свою жвачку.

Мы проплыли вдоль берега почти половину озера и наконец причалили для позднего ланча. На берегу нас уже ждала машина, и мы двинулись назад через Глен, не встретив по пути ничего страшнее рыжей лисицы с мелкой добычей в зубах. Она очень удивилась, когда мы выскочили из-за поворота, и, отпрыгнув на обочину, быстро скрылась, легкая, как тень.

Было уже очень поздно, когда мы вернулись, да еще задержались на крыльце, со смехом вспоминая события дня, пока Фрэнк искал ключ.

Раздеваясь, чтобы лечь в постель, я вспомнила о хендже Крэг-на-Дун и рассказала о нем Фрэнку. Его усталость как рукой сняло.

– Серьезно? И ты знаешь, где он находится? Это невероятно, Клэр!

Он принялся рыться в своем чемодане.

– Что ты там ищешь?

– Будильник.

– Зачем? – удивилась я.

– Хочу встать вовремя, чтобы увидеть их.

– Кого?

– Ведьм.

– Ведьм? Кто тебе сказал, что тут есть ведьмы?

– Викарий, – ответил Фрэнк, явно радуясь этому неожиданному сочетанию. – Его экономка – одна из них.

Я подумала о почтенной миссис Грэхем и расхохоталась.

– Не говори ерунды!

– Ну, не самые настоящие ведьмы, конечно. А вообще в Шотландии было полно ведьм, их сжигали на кострах вплоть до начала восемнадцатого века, но на самом деле то были женщины-друиды, так, наверное, правильнее их называть. Я не думаю, что теперь это выглядит как шабаш с чертями. Викарий утверждает, что это просто компания местных женщин, которые исполняют разные древние обряды. Он, разумеется, открыто этим не интересуется – из-за своего сана, но как человек любознательный не может это явление игнорировать. Он не знал, где совершаются церемонии, но если поблизости есть кромлех, то скорее всего именно там.

Фрэнк потер руки в радостном предвкушении:

– Какая удача!

Подняться разок до рассвета ради разнообразия даже забавно. Но два дня подряд – это, извините, уже перебор.

На сей раз ни теплого автомобиля, ни термосов. Сонная, я плелась вслед за Фрэнком вверх по склону, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу и то и дело ушибая пальцы о камни. Было зябко и туманно, я засунула руки поглубже в карманы кардигана.

Еще один рывок к вершине – и хендж возник перед нами, камни едва виднелись в предрассветной мгле. Фрэнк остановился и замер в восхищении, в то время как я, задыхаясь, опустилась на первый же валун.

– Прекрасно, – пробормотал Фрэнк, потом молча подошел к внешнему кольцу, и его фигура – силуэт в тумане – скрылась в густой тени, падающей от мегалитов.

Они были и в самом деле прекрасны, но и немного угрожающе тоже. Я вздрогнула – совсем не от холода. Если те, кто их поставил, хотели, чтобы они производили впечатление, то они своего добились.

Фрэнк очень скоро вернулся.

– Пока никого, – прошептал он у меня над ухом, и я чуть не подпрыгнула от испуга. – Идем, я приглядел место, откуда будет удобно наблюдать.

На востоке забрезжил свет – бледная серая полоса на горизонте, однако этого оказалось достаточно, чтобы я не спотыкалась, пока Фрэнк вел меня в укрытие под кустами ольхи недалеко от конца тропы. Там было тесновато, едва хватало места для двоих. Но отсюда хорошо было видно тропу и открывалась панорама на внутреннюю часть каменного круга примерно в двадцати футах от нас. Уже не в первый раз я задумывалась о том, чем же занимался Фрэнк во время войны. Он был прекрасно подготовлен к тому, чтобы совершенно бесшумно передвигаться в темноте.

Я совсем не выспалась и хотела только одного – свернуться под каким-нибудь симпатичным кустом и заснуть. Однако места для этого не хватало, и я продолжала стоять, вглядываясь в полутьму в ожидании ведьм. Спину покалывало, ноги болели, но, наверное, это скоро пройдет. Полоска на горизонте из серой сделалась розовой – стало быть, до рассвета осталось не больше получаса.

Первая из них появилась почти так же тихо, как Фрэнк. Только слабый хруст гравия под ногами – и в тумане проступила аккуратно причесанная седая голова. Миссис Грэхем. Значит, это правда. Экономка была одета в твидовое платье и шерстяное пальто, под мышкой она держала белый сверток. Неслышно, словно призрак, она скрылась за одним из больших камней.

Остальные появились вскоре после нее, они приходили по одной, по двое и даже по трое, шли, перешептываясь и хихикая, по тропе, но мгновенно умолкали, как только оказывались наверху.

Некоторых я узнала. Например, миссис Бьюкенен с почты; ее белокурые волосы были недавно завиты и источали сильный аромат «Вечера в Париже». Я подавила смех. Ничего себе друиды!

Их оказалось пятнадцать, исключительно женщины, в возрасте от шестидесяти, как миссис Грэхем, до двадцати с небольшим, как женщина, которую я недавно видела с детской коляской у магазина. Все они были одеты для прогулки, и у каждой под мышкой – белый сверток. Почти не разговаривая, они скрывались кто за каменным столбом, кто в кустах и появлялись с пустыми руками, облаченные в белое. Когда одна из них прошла вблизи нашего укрытия, я уловила запах хозяйственного мыла и сообразила, что их одеяния – всего-навсего простыни, обернутые на манер туники и закрепленные на плече.

Выстроившись друг за другом по возрасту – младшие за старшими, – они обошли внешний круг камней и остановились в ожидании. Свет на востоке разгорался все ярче.

Едва только солнце поднялось над горизонтом, строй женщин пришел в движение – они медленно вошли в зазор между двумя камнями. Предводительница провела их прямо к центру, а потом они вслед за ней начали все тем же плавным шагом кругами обходить хендж, словно лебеди. Предводительница внезапно остановилась и повернула к центру. Здесь она встала, подняв руки и повернув лицо в сторону восточных камней. Высоким голосом она произнесла какие-то слова, не слишком громко, но так, чтобы ее слышали все участницы. Туман еще не рассеялся, он отражал звуки, и казалось, что они доносятся отовсюду, идут из самих камней. Не только эхо повторяло слова, но и танцовщицы – потому что участницы процессии теперь начали танцевать. Они протягивали друг к другу руки, не соприкасаясь пальцами, и двигались по кругу, притопывая и слегка покачиваясь. Но вот круг танцующих разделился на две части. Семь женщин пошли по часовой стрелке, остальные – против нее. Два полукруга то пересекались, то образовывали целый круг, то снова два полукружия. А предводительница все стояла в центре и повторяла полный невыразимой печали клич на языке, который давно уже умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.